

ками ущерба, причиненного лично правонарушителем охраняемому правопорядку. Функционально цели ответственности значительно шире, в том числе поддержание и обеспечение общепреventивной функции административно-правового принуждения.

Налоговое законодательство Республики Беларусь предопределяет следующую **классификацию мер** административно-правового принуждения, применяемую налоговыми и иными контролирующими законную сферу государственными органами: *предупредительные, пресекательные, восстановительные и меры взыскания*.

Данная классификация предопределена самим законодательством и позволяет дать более детальный критический анализ каждой из указанных групп административно-правового принуждения на основе их функциональной, содержательной и правовой характеристики.

¹ См.: Ямпольская Ц. А. Об убеждении и принуждении в советском административном праве // Вопросы советского административного и финансового права. М., 1952. С. 176–178; Лунев А. Е. Административная ответственность за правонарушения. М., 1961. С. 48.

² См.: Еропкин М. И. О классификации мер административного принуждения // Вопросы административного права на современном этапе. М., 1963. С. 60–69.

³ См.: Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж, 1970. С. 90.

⁴ См.: Бахрах Д. Н. Административная ответственность. М., 1999. С. 8; Он же. Принуждение и ответственность по административному праву. Екатеринбург, 1999. С. 89.

⁵ См.: Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. С. 26–28.

⁶ Кролис Л. Ю. Административная ответственность за нарушения налогового законодательства. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1969. С. 10.

⁷ См.: Бахрах Д. Н., Кролис Л. Ю. Административная ответственность и финансовые санкции // Журнал российского права. 1997. № 8. С. 87–91; Россинский Б. В., Тимошенко И. В. Административное принуждение в деятельности таможенных органов и проблемы его реализации // Закон и право. 2000. № 2. С. 36–39; Кононов П. И. Законодательство об административном принуждении: проблемы кодификации // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 26–32.

⁸ Пастушенко Е. Н. Функции административного принуждения по советскому законодательству. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 1986. С. 7.

⁹ См.: Россинский Б. В., Тимошенко И. В. Указ. соч. С. 37.

¹⁰ См.: Клепицкий И. А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской Конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 67–68.

¹¹ Лунев А. Е. Указ. соч. С. 68.

¹² См.: Бахрах Д. Н. Указ. соч. С. 38.

¹³ Бахрах Д. Н. Принуждение и ответственность по административному праву. С. 17.

¹⁴ Пастушенко Е. Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁵ См.: Бахрах Д. Н., Кролис Л. Ю. Указ. соч. С. 89–91.

¹⁶ См.: Розанов И. И. Финансовые санкции как средство обеспечения государственной финансовой дисциплины // Хозяйство, право, управление. Саратов, 1975. Вып. 2. С. 117; Курбатов А. Вопросы применения финансовой ответственности за нарушения налогового законодательства. По материалам судебной практики // Хозяйство и право. 1995. № 1. С. 63–87.

¹⁷ См.: Россинский Б. В., Тимошенко И. В. Указ. соч. С. 37–38.

Хомич Кирилл Владимирович – аспирант. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент А.Н. Крамник.

А.В. ЖАРСКИЙ

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗВЕЩЕНИЯ О ПОСТАВКЕ НЕСООТВЕТСТВУЮЩЕГО ТОВАРА НА ОСНОВЕ ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1980 г.

Одним из наиболее важных моментов, входящих в сферу регулирования Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (в дальнейшем – Конвенция), является вопрос об обязанности покупателя уведомить продавца о поставке несоответствующего товара. Необходимость подробного рассмотрения данной проблемы становится очевидной, если принять к сведению последствия отсутствия такого уведомления, закрепленного в ст. 39 Конвенции, о том, что "...покупатель *утрачивает*

право ссылаться на несоответствие товара, если он не дает продавцу извещение, содержащее данные о характере несоответствия, в разумный срок после того, как оно было или должно было быть обнаружено покупателем”^{*}.

Таким образом, следствием ненадлежащего уведомления о поставке несоответствующего товара или его полного отсутствия становится *невозможность* для покупателя осуществить любое из предоставленных ему средств правовой защиты: взыскать причиненные убытки (ст. 45 (1) (b), ст. 74–77 Конвенции); требовать реального исполнения от продавца, замены товара или устранения его дефектов (ст. 46); расторгнуть договор (ст. 49); снизить покупную цену (ст. 50). Характер таких последствий значительно отличается от того, что имеется в нашем гражданском законодательстве^{**}, поэтому подробный анализ регулирования, установленного в Венской конвенции 1980 г. применительно к данной проблеме, имеет как теоретический, так и практический характер.

В первую очередь следует определить понятие “несоответствие товара”. Оно разъясняется в ст. 35 Конвенции и охватывает поставку товара, “который по количеству, качеству и описанию не соответствует требованиям договора и который не затарирован или не упакован так, как это требуется по договору”. Практика разрешения дел по Конвенции в иностранных государствах показывает, что несоответствие товара охватывает различные случаи: поставка обуви не того цвета (OLG Frankfurt 18 January 1994); когда ботинки имеют орнамент, не предусмотренный в договоре (LG Aachen 3 April 1990); или вообще поставлен другой товар, т. е. поставка *aliud*¹. В любом из этих случаев покупатель обязан уведомить продавца. Такие же правила применяются и к ситуации, когда дефект относится в большей степени к документам, а не к самому товару^{***}.

Наиболее важное значение в ст. 39 имеют положения о временных рамках для уведомления, по которым извещение должно быть дано “в разумный срок после того, как оно *было* или *должно было быть обнаружено* покупателем”. В первую очередь следует выяснить момент, с которого “разумный срок” начинает отсчитываться. Если несоответствие товара носит такой характер, что оно может быть обнаружено при его осмотре, то *разумный срок* будет начинаться с момента, когда такой осмотр *был* или *должен был* проведен покупателем. В этой связи следует обратиться к ст. 38 Конвенции (п. 1), которая обязывает покупателя “осмотреть товар или обеспечить его осмотр в такой *короткий срок, который практически возможен при данных обстоятельствах*”. Установленный таким образом критерий позволяет учитывать многовариантность коммерческих отношений, допуская, чтобы “короткий срок” был более продолжительным, если подлежащий осмотру товар имеет сложное техническое строение либо если его количество, характер упаковки, место проведения осмотра и другие объективные

^{*} Обязанность дать схожее уведомление предусматривается в большинстве правовых систем, в частности, в ст. 453 ГК РБ 1998 г., ст. 483 ГК РФ, ст. 2–515 ЕТК США.

^{**} Ст. 453 ГК РБ 1998 г. закрепляет, что если покупатель не известил продавца о нарушении условий договора о количестве, качестве..., то продавец вправе отказаться от удовлетворения требований покупателя о передаче ему недостающего количества товара, его замене, об устранении недостатков товара..., т. е. следствием является исключение лишь некоторых средств защиты (взыскание убытков, снижение цены, расторжение договора не затрагивается), и только при том условии, если “покупатель докажет, что невыполнение этого правила повлекло невозможность удовлетворить требования или влечет... несоизмеримые расходы...”.

^{***} Такое утверждение основывается на том, что разработчики Конвенции исходили из презумпции, что поставка товаров часто будет осуществляться посредством документов, поэтому передача правильных документов непосредственно относится к обязательству по поставке товара. Кроме того, ст. 34 позволяет продавцу устранить любое несоответствие в документах, что не имело бы никакого смысла, если продавец не будет извещен об этом покупателем. Honnold J. Uniform Law for International Sales Under the 1980 United Nations Convention. 2-nd ed. Deventer: Kluwer Law and Taxation, 1991. P. 334.

факторы не позволяют осуществить проверку в быстрые сроки*. В то же время “короткий срок” должен быть менее продолжительным, если товар носит скоропортящийся характер либо если обстоятельства позволяют провести осмотр незамедлительно.

В некоторых случаях допускается возможность отложить осмотр до прибытия товара по месту назначения, например, если предусматривается его перевозка (п. 2 ст. 38) либо если “товар переотправлен покупателем и при этом он не имел разумной возможности осмотреть его, а продавец ... знал или должен был знать о возможности такого изменения или такой переотправки” (п. 3 ст. 38). Данное положение имеет важное практическое значение, так как обычно обязательства продавца считаются выполненными в момент сдачи товара первому перевозчику, но при этом покупатель будет лишен возможности его осмотреть. Поэтому вполне обоснованным является отложение проверки до прибытия товара в то место, куда покупатель его переотправил, при условии, конечно же, что продавец знал или должен был знать о такой возможности.

Как уже отмечалось, если несоответствие товара можно обнаружить в результате осмотра, то “разумный срок” для дачи извещения будет исчисляться с момента, когда он должен был быть проведен, т. е. “в короткий срок”, который практически возможен после исполнения продавцом своей обязанности по поставке. Если же недостатки товара нельзя обнаружить в результате проверки, то начало для отсчета “разумного срока” будет определяться моментом, когда они должны быть обнаружены, т. е. началом использования товара покупателем. Принципиальное значение в таком случае приобретает вопрос о предъявляемых требованиях к объему, порядку и интенсивности осмотра, ибо от этого будет зависеть, когда несоответствие “должно было быть обнаружено”. При разработке Конвенции отмечалось, что от покупателя не требуется такой проверки, которая вскрыла бы все возможные дефекты. От него следует ожидать совершения лишь тех действий, которые определяются условиями договора, торговыми обычаями и практикой, которую стороны установили в своих взаимоотношениях, и интенсивность, и характер таких мер по осмотру будут зависеть от особенностей продукции, знаний, опыта и возможностей покупателя². Например, если предыдущие поставки товара от того же продавца имели недостатки, то, как указывается в решении немецкого суда (LG Stuttgart 31 August 1989), сторона должна проявить повышенную бдительность и осмотрительность при проверке новых партий³. Если покупатель по каким-либо объективным причинам не мог обнаружить дефекты товара при его осмотре либо вообще не мог провести такой осмотр, то нельзя утверждать, что он утрачивает право ссылаться на несоответствие товара вследствие неисполнения своей обязанности известить продавца о недостатках. Все будет зависеть от того, когда же все-таки покупатель *должен был обнаружить* такое несоответствие.

Что касается самого “разумного срока”, в течение которого необходимо дать извещение о поставке несоответствующего товара, то его определение будет зависеть от взаимоотношений сторон. Например, если покупатель собирается отказаться от поставки и расторгнуть договор, то извещение о несоответствии должно быть дано в кратчайший срок с тем, чтобы позволить продавцу своевременно распорядиться дефектным товаром, что сэкономит его расходы. *Разумность срока* чаще всего будет зависеть от характера товара, например, от того, подвержен ли он скорой порче и т. д.

* Следует иметь в виду, что задержка в проведении осмотра может быть оправдана, если она была вызвана объективными причинами. Препятствия, имеющие личный, субъективный для покупателя характер, не должны приниматься во внимание. Bianco C., Bonell M. Commentary on the International Sales Law. Milan: Giuffrè, 1987. P. 299.

Так, в одном из дел, рассмотренных на основе Конвенции, немецкий суд признал срок в 7 дней, по истечении которого было дано извещение о недостатках (договор предусматривал поставку свежих огурцов), как неразумный и отказал в уменьшении цены (OLG Düsseldorf 8 January 1993)⁴. Если же товар не носит такой скоропортящийся характер, то период для уведомления может быть более длительным. Однако указание на то, что период 2 месяца является *разумным сроком* (Austrian Arbitral Award 4318 и Austrian Arbitral Award 4366, оба от 15 июня 1994), представляется необоснованным⁵. В целом, на наш взгляд, следует согласиться с утверждением, что "*разумный срок*" подразумевает если не незамедлительное уведомление, то, по крайней мере, короткий период времени⁶, так как речь идет не о сроке для выявления недостатков, а о времени, в течение которого должно быть дано извещение после того, как "несоответствие было или должно было быть обнаружено".

Ст. 39 (2) содержит верхний временной лимит для извещения продавца о несоответствии товара – 2 года, "считая с даты фактической передачи товара покупателю, поскольку этот срок не противоречит договорному сроку гарантии". Поэтому если даже покупатель узнает о недостатках товара по истечении двух лет, то он не вправе ссылаться на такое несоответствие и, следовательно, не имеет никаких средств правовой защиты.

Чтобы не потерять право ссылаться на несоответствие товара, недостаточно соблюдения только временных рамок, ст. 39 (1) требует, чтобы извещение содержало "*данные о характере несоответствия*". Как указывается в Комментариях к проекту Конвенции 1978 г., "цель уведомления состоит в том, чтобы сообщить продавцу, что он должен сделать для того, чтобы устранить несоответствие товара, предоставить ему основания для проведения им самим проверки товаров, и вообще дать возможность собрать доказательства для использования в любом возможном споре с покупателем относительно оспариваемого несоответствия". Таким образом, не столько быстрота уведомления, а именно информация о характере несоответствия позволяет продавцу правильно реагировать на претензию – осмотреть самому товар, собрать необходимые доказательства и соответственно либо исправить недостатки, либо признать претензию необоснованной. Как свидетельствует практика применения Конвенции в иностранных государствах, суды довольно строго подходят к требованию относительно содержания извещения. Так, указание на то, что "ботинки частично имеют плохие швы", или что "товар дефектен во всем своем изготовлении" (OLG Frankfurt 18 January 1994), либо что товар (модная одежда) имеет "плохое качество и ненадлежащее изготовление" (LG Munchen 3 July 1989), рассматривается как не удовлетворяющее требованиям ст. 39 со всеми вытекающими последствиями⁸. Однако это не означает, что извещение должно содержать подробную характеристику несоответствия. Как нам представляется, пострадавшая сторона должна указать несоответствующий товар, его количество, результаты проверки. Ст. 39 не требует никакой специальной формы для извещения, поэтому оно может быть сделано как в письменной форме, так и в устной, причем даже по телефону (LG Stuttgart 31 August 1989)⁹.

В целом ст. 39 носит достаточно жесткий характер, но ее эффект смягчается возможным применением ст. 40 и ст. 44 Конвенции. В соответствии со ст. 40 "продавец не вправе ссылаться на ст. 38 и 39, если несоответствие связано с *фактами*, о которых он *знал или не мог не знать* и которые он не сообщил покупателю", причем даже крайний двухлетний срок может быть преодолен ссылкой на эту статью. Смысл данного положения очевиден: покупатель не обязан уведомлять продавца о недостатках, о которых ему самому известно. Причем ст. 40 требует не только знания самого несоответствия товара, а именно *фактов*, с которыми оно связано, что, представляется, расширяет сферу применения ст. 40.

Помимо указанной статьи, жесткие санкции ст. 39 также смягчаются, если у покупателя "имеется разумное оправдание того, почему он не дал требуемого извещения" (ст. 44). В таких ситуациях покупатель все же может требовать или снижения цены (ст. 50 Конвенции), или возмещения убытков, за исключением упущенной выгоды, но данное положение не применимо, если с момента передачи товара прошло более 2 лет. На первый взгляд кажется, что ст. 44 предоставляет покупателю серьезные ослабления, но в действительности ее эффект носит ограниченный характер по следующим причинам: *во-первых*, используемое в русском варианте "разумное оправдание" не вполне соответствует английскому варианту формулировки *reasonable excuse*, который касается только "исключительных ситуаций"^{**}; *во-вторых*, гибкие критерии, закрепленные в ст. 38 и 39 ("короткий срок, который практически возможен", "разумный срок"), позволяют сами по себе учесть конкретные обстоятельства, с которыми сталкивается покупатель при проведении осмотра и извещении продавца о несоответствии товара, поэтому ст. 44 с ее "разумным оправданием" мало что добавляет по сравнению с регулированием, предусмотренным в ст. 38 и 39^{**}; *в-третьих*, хотя покупатель в соответствии со ст. 44 и может взыскивать положительные убытки или снизить покупную цену, но продавец имеет право, ссылаясь на ст. 77, требовать сокращения выплачиваемой компенсации на сумму, на которую ущерб мог бы быть уменьшен, если извещение было бы дано в соответствии со ст. 39. Некоторые авторы вообще допускают возможность продавцу самостоятельно взыскивать с покупателя убытки за невыполнение обязанности уведомить о несоответствии товара¹⁰, даже если у последнего есть "разумное оправдание того, почему он не дал требуемого извещения".

Можно сделать вывод, что необходимым условием для осуществления покупателем средств правовой защиты при поставке несоответствующего товара является своевременное и имеющее надлежащее содержание извещение продавца о характере такого несоответствия. Нарушение данной обязанности, если только продавец не знал или не мог не знать о *фактах*, с которыми недостатки товара связаны, влечет для покупателя очень серьезные последствия. Практически он будет обязан уплатить полную цену, если только у него нет "*разумных оправданий* того, почему он не дал требуемого извещения". Хотя данная оговорка и предусматривается с целью позволить покупателю сослаться на субъективные, индивидуальные обстоятельства, но они должны носить исключительный характер, поэтому ненамного облегчают обязанность покупателя.

Учитывая диспозитивный характер норм Конвенции (ст. 6), наиболее приемлемым для сторон, на наш взгляд, будет включение в договор международной купли-продажи товаров самостоятельных условий, определяющих порядок, срок выставления претензий, а также последствия невыполнения таких обязанностей. Причем стороны могут как ослабить эффект норм Конвенции, так и усилить их.

¹⁰ При обсуждении данной статьи на одном из пленарных заседаний Венской конференции было предложено заменить "excuse" словом "justification", которое как раз и переводится как "оправдание". На что были высказаны серьезные возражения: указывалось, что слово "excuse" свидетельствует о том, что предусматриваются исключительные ситуации, поэтому его замена на "justification" неоправданно расширяет сферу применения данной статьи. (Краткие отчеты пленарных заседаний, 7-е заседание.)

^{**} К таким "разумным оправданиям" можно отнести индивидуальные (субъективные) для покупателя обстоятельства, которые не подпадают под *разумные* (объективные) критерии ст. 38 и 39, а также ситуации, когда покупатель ошибочно посчитал, что поставка несоответствующего товара была вызвана причинами, за которые продавец не отвечает.

- ¹ См.: Recht der Internationalen Wirtschaft. 1994. P. 240–241; 1990. P. 491.
- ² Комментарий к проекту Конвенции 1978 г. Конференции ООН по договорам международной купли-продажи товаров. Официальные отчеты. Нью-Йорк, 1981. С. 39.
- ³ См.: Journal of Law & Commerce. 1995. P. 225–226.
- ⁴ См.: Там же. 1995. P. 233–234.
- ⁵ Ferrari F. Specific Topics of the CISG in the Light of Judicial Application and Scholarly Writing // Journal of Law and Commerce. 1995. Vol. 15. P. 61.
- ⁶ Enderlein F., Maskow D. International Sales Law. New York: Oceana, 1992. P. 159.
- ⁷ Комментарий к проекту Конвенции 1978 г. Конференции ООН по договорам международной купли-продажи товаров. Официальные отчеты. Нью-Йорк, 1981. С. 40.
- ⁸ См.: Ferrari F. Op. cit. P. 41.
- ⁹ См.: Указ. пп. 1995. P. 225–226.
- ¹⁰ Schlechtriem P. Uniform Sales Law: The UN-Convention on Contracts for the International Sale of Goods. Vienna: Manz, 1986. P. 71.

Жарский Андрей Валерьевич – аспирант. Научный руководитель – кандидат юридических наук А.Н. Романович.

М.И. САВЧЕНКО

МОРСКИЕ РЫБОЛОВНЫЕ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Мировой океан служит человечеству не только средством коммуникаций, “общей просторной дорогой для всех наций”, но он также является огромным источником пищевых ресурсов. “Океан всегда кормил людей. С незапамятных времен человек ловил рыбу, ракообразных, собирал моллюсков”¹. – писал в своей книге “Будущее – океан” французский исследователь Клод Риффо. Известный советский ученый Л.М. Бреховских в этой связи также указывал на величайшее значение Мирового океана в жизни людей. Он писал: “Океан всегда снабжал людей пищей. Значение его как кормильца человечества все увеличивается, так как в нем обитает около четырех пятых всех живых существ планеты и около 20 процентов необходимых для людей белков уже сейчас добывается именно здесь”². Как представляется, с этим нельзя не согласиться.

С давних пор люди, используя самые примитивные орудия промысла, вели добычу рыбы и других морепродуктов в водах, омывающих их берега. Очень продолжительное время рыболовство было прибрежным. И только в XIX ст. с появлением траулеров с паровыми двигателями и совершенствованием техники и технологии рыболовства районы промысла все больше удалялись от берегов в сторону открытого моря.

С выходом промысловых судов в открытое море начал утверждаться принцип свободы рыболовства в открытом море. Он формировался и утверждался на базе принципа свободы открытого моря, являясь его составным элементом. Возникнув как обычная норма, принцип свободы рыболовства в открытом море впоследствии был закреплен в многочисленных международных договорах, в том числе в ст. 2 Конвенции об открытом море³ и ст. 1 Конвенции о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря, которые были подписаны в Женеве 29 апреля 1958 г. Однако наиболее важным является закрепление этого принципа в настоящее время в ст. 87 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.⁴, которая согласно п. 1 ст. 311 имеет преимущественную силу в отношениях между государствами-участниками перед женевскими конвенциями по морскому праву 1958 г.

Приведем выдержку из ст. 87 “Свобода открытого моря” Конвенции ООН 1982 г., в которой говорится: “1. Открытое море открыто для всех государств, как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю. Свобода открытого моря осуществляется в соответствии с условиями, определяемыми в настоящей Конвенции, и другими нормами международного права. Она включает, в частности, как для прибрежных государств, так и для государств, не имеющих выхода к морю:

